

Сад-музей

Т. И. Игумнова, Л. Вахонина

«Пусть времени глумливый грубый ход Доводит их до порчи, разрушенья, — Былая краса их от забвенья Спасается и прелесть бережет».
Микеланджело

Из окон залов Художественного музея открывается чудесный вид на очаровательный сад, в котором уютно разместилась скульптура. Как сформировался наш «Сад-музей»? Когда достаточно хорошо сохранившийся особняк Хандрина был отреставрирован и приспособлен под музейное помещение, в старом усадебном саду решено было составить экспозицию скульптуры, создать так называемый «Музей под открытым небом». Эта идея возникла благодаря тому, что во дворике с неизвестных пор «ждали нового хозяина» три мраморных скульптурных произведения: одиноко стояла статуя с изображением Пана, а две другие скульптуры с изображением лежащей женщины и полулежащего мужчины располагались у входа на веранду. В них угадывались античные черты, они вызывали ассоциации с аллегорическими фигурами Дня и Ночи из капеллы Медичи Микеланджело. К моменту открытия картинной галереи появилась возможность дополнить эту небольшую, случайно сложившуюся экспозицию скульптуры лучшими скульптурными мраморными надгробиями городского кладбища, уже к тому времени закрытого для захоронений. В те годы витала идея сравнить старое кладбище с землей, а на его месте устроить парк. Так как кладбищу и его раритетам было уготовано такое будущее, «музейная» идея была поддержана, и ко дню открытия картинной галереи в апреле 1976 года во дворик музея были перевезены надгробия, к сожалению, не все из тех, что были выбраны. Те же памятники, которые удалось перевезти в картинную галерею, вот уже более тридцати лет «живут» здесь, привлекая к себе внимание многочисленных посетителей. Как известно, в России, особенно в эпоху царствования Александра I и позднее, для украшения фасадов домов наряду с масками, рельефами, орнаментами часто использовались произведения круглой скульптуры, причем сюжеты скульптурных групп выбирались в соответствии с ролью и назначением здания. Подобного рода украшения чаще использовались в центральных городах России, встречались они и в провинции. В Таганроге не сохранилось ни одного особняка с таким декором, потому трудно сегодня судить о том, насколько он был распространен в нашем городе. На старых фотографиях удалось разглядеть «нашу» композицию, украшавшую здание водолечебницы. Примечательно, что на фотографии начала XX века мы увидели и особняк Хандрина, также украшенный круглой скульптурой (увы, исчезнувшей бесследно). Таким образом, в нашем саду-музее хранится по-своему уникальный образец монументально-декоративной скульптуры, своеобразный раритет старого Таганрога.

«Наши» классические фронтонные статуи украшали и одновременно объясняли назначение здания, для которого они были созданы. Мифологические персонажи водной стихии - Речное божество и нимфа с их характерными атрибутами - перевернутыми урнами - вполне соответствуют водолечебнице.

В классической традиции Речное божество изображается в виде полулежащей фигуры немолодого бородатого мужчины или атлетически сложенного молодого человека. «Наш» мифологический персонаж немолод, бородат, но исполнен непоколебимого здоровья и силы. Величавое могучее тело пронизано внутренней динамикой, проявляющейся в позе, жесте, и подчеркнутой «живой» драпировкой.

Рядом с мужественным богом - грациозная нимфа.

«...перед тобою - ангела создание.

Она из камня, но в ней есть дыханье.
Лишь разбуди - она заговорит».
Микеланджело.

Образ нимфы также традиционен, ее изображение обычно выполнено в виде лежащей женской фигуры.

«Наша» нимфа - женщина ослепительной красоты, необычайной женственности. Ее движения непосредственны и грациозны, ее гибкая шея в лебедином наклоне, голова опущена на согнутую в локте руку. Женщина спит, ее глаза закрыты, на лице - витающая по краям губ еле приметная улыбка. Красота прекрасного женского тела угадывается сквозь живую игру драпировок. Кажется, что если бы из кувшина лилась вода, струи ее переключались со складками одежды нимфы. Ткань, нежно окутывая формы тела, струистыми складками мягко, легко «стекает» книзу.

От образа нимфы, ставшей любовью и вдохновением самого Бога природы, обратимся к его образу. Перед нами сам Пан. Он узнаваем лишь благодаря атрибуту этого бога - свирели-сиринге. Но где же козлиные ноги, где его рожки? Дело в том, что сначала Пан почитался как бог леса, бог пастухов, охранитель стад, но постепенно он утрачивает свой первоначальный характер и становится богом-покровителем всей природы.

Позднее скульпторы, обращавшиеся к образу Пана, представляли его в виде сильного и прекрасного юноши. Таков и «наш» Пан.

Пан изображен непринужденно облокотившимся о ствол дерева. Благодаря именно этому приему передается состояние человеческого тела, предавшегося отдохновенной неге. Ствол дерева с накинутым на него плащом является здесь важной частью композиционного замысла, имеет как бы реальное пейзажное значение. Правая рука Пана, согнутая в локте, прижата к бедру, левая, опирающаяся на ствол, поднята. Истолковать жест точно невозможно из-за утраты этой части скульптуры, но можно предположить, что в левой руке Пана была свирель.

Скульптура рассчитана почти на полный обход, причем, с каждой новой точки меняется не только ее общий образ, но меняются и пропорции фигуры, становящейся то более приземистой, то более стройной. Очарование статуи раскрывается и в рефлексах солнечных лучей, и в скользящих по поверхности тенях, создающих ощущение движения, дыхания, трепета жизни. Так с помощью разнообразных выразительных средств создается образ идеала прекрасного, соответствующего представлению о божестве самой природы.

Лучшим из мемориальных памятников, находящихся в нашем саду-музее, можно, пожалуй, считать скульптуру, изображающую коленапреклоненную женщину, припавшую в скорбном рыдании к скале с саркофагом. Это распространенный образ «Плакальщицы» - символ печальной покорности судьбе. Сдержанно выражение прекрасного лица, не искаженного рыданиями, но в ее наклоненном, почти падающем теле, в живых «одухотворенных» жестах рук - отчаяние, непосильная душевная тяжесть, «печаль осиротевшего сердца». Привлекают пластические ритмы и элегическая эмоциональность этого произведения, выразительного по композиции, предполагающего обход, рассматривание с разных точек зрения, дающие возможность проникнуться глубиной содержания образа.

Неотразимо прекрасна печаль одинокой фигуры очаровательной юной женщины, задрапированной в тяжелую ткань пеплоса, опирающейся на крест, как бы обрушивающей на него тяжесть своего отчаяния. Это не изображение скорби, а сама Скорбь, запечатленная в нежном облике, в трогательном движении. Позволим себе так и назвать эту работу - «Скорбь». Торжественно-траурный аккомпанемент тяжелых, но изящных ниспадающих драпировок вторит печали, источаемой фигурой. И весь ее вид убеждает нас, что богатство, слава - ничтожный вздор перед тем таинственным, чего никто не умеет ни назвать, ни определить.

В отличие от фигур «Плакальщицы» и «Скорби» скульптурные изображения «Надежды» звучат торжественным реквиемом в память об ушедших из жизни.

Персонализировать абстрактную концепцию человеческой фигурой, обычно женской, и с определяющими ее атрибутами, было хорошо известным приемом в классической античности. Надежда чаще всего предстает в облике женщины с характерным атрибутом - якорем. Таким образом, одной из наших скульптурных работ с изображением женщины, опирающейся на якорь, мы даем точное определение: это - «Надежда». Выразительны черты ее вдохновенного лица, освещенного «улыбкой радости небесной». Убедительны «говорящие» жесты: левая рука изящным движением опирается на якорь; этот жест вносит в образ ощущение внутренней крепости, силы, устойчивости, он как бы расправляет плечи «Надежды»; правая ее рука сжимает у сердца венки из роз. В Греции венок из роз является символом счастливого супружества. Надежда почитается как покровительница моряков и мореплавателей, наверное, поэтому не случаен ее головной убор: «звезда благодатная милой Надежды», звезда, указывающая морякам дорогу к родному берегу, к дому, где их ждут и любят. Кажется, что из полуоткрытых уст дева доносится: «Надежда, луч души моей».

«Внемлите небеса молению моему», вторит ей «Надежда» в образе женщины со взглядом, устремленным вверх к небу, руками, сложенными на груди. Однако ни пластика форм, ни выражение лица, ни выразительность жеста, ни движение тела выражают всю полноту эмоционального состояния «Надежды», воплощают ее духовную энергию. В этой статуе одежда несет наибольшую эмоциональную нагрузку: драпировка, образующая множество складок, - главное выразительное средство скульптуры. Многочисленные, гибкие, достаточно динамичные, они на свой лад характеризуют душевный трепет, волнение, которое охватывает женщину, дают наглядное пластическое выражение ее душевного движения. Именно душевное движение, а не физическое действие заключено в этом образе.

«Душу доброго человека уносят ангелы», - вероятно, на этом положении основано достаточно распространенное для русских надгробий изображение крылатых посланцев Бога.

В средневековом христианском искусстве ангелы изображались в виде фигур юношей, обыкновенно крылатых, облаченных в свободные ниспадающие одежды. С эпохи Возрождения ангелы изображались обнаженными в виде крылатых детей - путти. Часто в надгробных памятниках встречалась фигура крылатой Психеи (греч. - «душа», «бабочка»).

В достаточно выразительной и пластичной фигуре скульптуры, изображающей сидящее крылатое существо, налицо сочетание черт и античной Психеи, и средневекового Ангела. Кроме того, и поза, и жест этой фигуры по народному бытовые (сидит, «пригорюнившись», поддерживая склоненную голову), и черты ее лица ассоциируются с образом «Аленушки» В. Васнецова.

В нашем саду-музее есть и другая скульптура с изображением крылатого «божьего посланца»: крупная фигура стоящего юноши с поднятыми крыльями, с длинным, до земли латинским крестом в одной руке и венком в другой. Этот образ близок к иконографии античных Гениев - крылатых вестников смерти - и выполнен в характере классических образцов. Его фигура мужественна и строга, это и сообщает образу почти горделивое спокойствие. Перед нами - образ совершенства, идеала прекрасного, воистину «гений чистой красоты».

Согласно древнеримской мифологии Гений является духом-покровителем человека, его функции близки христианским ангелам-хранителям, ангелам-утешителям, которые, обладая высшими качествами: силой, энергией, спокойствием, тишиной, связью с всевышним, благородством, служением, опекой, преданностью, восхвалением, - простирают эти качества над праведными душами.

С XVIII века сады, парки и поместья называли Аркадией - блаженным краем, уединенным местом. Однако изображение Аркадии в искусстве, начиная с эпохи Ренессанса и позднее, особенно в эпоху романтизма, постоянно сочеталось с изображением надгробных памятников. А еще, как известно, Аркадия - пасторальный рай, которым правил Пан, в нем же обитала и нимфа Сиринга. Таким образом, мы можем объяснить не только возможность существования мемориальной скульптуры в нашем саду, но и провести «духовную» связь между персонажами монументально-декоративной композиции и скульптурными надгроб-

биями, тем самым подтвердив возможность их сосуществования в непосредственной близости друг к другу.

Кроме того, рассматривая скульптуру нашего сада, необходимо подчеркнуть еще два объединяющих фактора, сближающих представленные произведения. Пластические формы наших образов и монументально-декоративной скульптуры, и мемориальной скульптуры - суть переработанные и переосмысленные формы античности, Средневековья и эпохи Ренессанса. Поэтому объединяющими чертами этих произведений являются простота и ясность изобразительного языка, чувство меры в композиции, строгость рисунка. Кроме того, находясь на открытом воздухе, эти произведения являют собой единый жанр пленэрной скульптуры.

Продолжение экспозиции музея под открытым небом дает возможность показать скульптуру в условиях, наиболее для нее благоприятных. Скульптура нуждается в свете и тени, в пространстве неба, контрасте зелени, в подвижности листвы, может быть, даже в пятнах дождя и в снежных покрывалах. Скульптура становится подвижной, ее ясные и выразительные силуэты хорошо читаются на далеком расстоянии, повороты торса, рук, головы уводят взгляд вслед их движению. Компоненты пленэра, постоянно меняясь и преобразуясь, создают многослойную гамму настроений. Это чередование времен года, суток и часов, это и внезапная смена погоды. Словом, это и дождливые сумерки, и ласковые солнечные брызги, и отблески заката, и иней, выступивший морозным зимним утром на поверхности камня... На фоне природы, в гармонии с ней «оживают» мраморные статуи, рождая эстетическую атмосферу, отвечающую всем настроениям души, позволяющую остаться наедине со своими мыслями, мечтами и надеждами.

ЦГТБ ИМ. А. П.